

Рабиндрнат Тагор — неповторимое явление в истории индийского театра. У этого великого поэта и талантливого актера, режиссера и композитора было врожденное чувство сцены. В ту пору, когда коммерческие театральные труппы увлекались пышными постановками и громоздкими декорациями, Тагор понял и оценил свежесть и жизнеспособность народного театра; он учил своих современников простоте формы и глубине темы. Будучи знатоком индийской классической драмы и различных форм индийского народного театра, а также изучив приемы европейских постановщиков, он создал совершенно новый тип драмы, который в начале XX столетия оказал решающее влияние на бенгальский театр.

Его пьесы рассчитаны скорее на открытую сценическую площадку, нежели на сцену, отделенную от зрителя рампой, ограниченную кулисами. Тагор возродил дух народной оперы (джатры), которая была вытеснена из Калькутты профессиональным театром. С течением времени он все больше и больше стал отдавать предпочтение этой форме оперы. В более поздние спектакли он часто включал шумные и пестрые уличные шествия, участники кото-

Рогхупоти проклинает жестокую богиню и сбрасывает ее статую в реку.

Написанная в тот же период пьеса «Царь и царица» свидетельствует об огромном даровании драматурга, но, к сожалению, Тагор перегрузил ее ненужными деталями. Если бы герои были обрисованы более четко, эту драму можно было бы считать величайшим из его творений. Драматург с огромной силой выразил в ней презрение к правителям, обуреваемым жаждой власти и славы, и мотив этот неоднократно повторяется в последующих его пьесах.

Драма «Дак Гхар» («Почта»), написанная в 1912 году, повествует о судьбе больного мальчика Омоля. Врач и родные не разрешают ему выйти из дому, и он целыми днями наблюдает за жизнью улицы из окошка, вступая в разговоры со всеми прохожими — со стражником, с продавцом творога, с цветочницей Шудхой. Напротив дома, где живет Омель, по приказу раджи выстроена новая почта, и жестокий негодяй сельский староста насмехается над мальчиком, уверяя его, что раджа скоро пришлет ему письмо. День и ночь ждет ребенок этого письма. Раджа случайно узнает об этом, и однажды ночью в дом Омоля является его

БАЛВАНТ ГАРГИ

Индийский драматург

ПЬЕСЫ РАБИНДРАНАТА ТАГОРА

рых проходят по сцене, разговаривают, поют, комментируют разворачивающиеся в пьесе события.

В одной из ранних своих пьес — «Возмездие природы» (1884 год) Тагор показывает отшельника, который, порвав все узы, связывающие его с миром, хочет подчинить себе Время. Из своей пещеры он насмешливо наблюдает за жалкой и убогой жизнью обитателей соседней деревушки. В первой сцене отшельник произносит философский монолог, в котором описывает сырую и холодную пещеру в предгорьях Гималаев, где он проводит свои дни, «в себя ушедший, недвижимый, внимая тихому дыханью бесконечной, в раздумье погруженной ночи»¹. Дремлют седые древние жабы, в расщелину скалы одна за другой падают капли, и их размеренный звон делает еще более ощутимым царящее здесь безмолвие. Отшельник в упоении говорит о том, что, подобно Шиве, он преступил грани вселенной и погрузился в бесконечность. Ему кажется, что тьмой своей пещеры он погасил солнечный и лунный свет, что Время и Пространство потеряли над ним власть. Но эта отрешенность от внешнего мира оказывается мнимой: горячая любовь юной девушки будит в сердце отшельника земную страсть и приобщает его к скромным радостям повседневной жизни.

С 1895 по 1905 год Тагор написал несколько трагедий в стихах. Герой драмы «Бисарджан» («Жертва») Рогхупоти — верховный жрец в храме богини войны Кали — твердо верит в необходимость человеческих жертв и старается привить эти взгляды своему юному ученику Джойшинху. Юношу терзают противоречия, но в конце концов, хотя совесть его и восстает против доводов Рогхупоти, он все же следует принципам своего наставника и приносит в жертву богине собственную жизнь. Потрясенный

вестник. Он сообщает, что вскоре раджа посетит мальчика, и тот наконец успокаивается. Он засыпает глубоким сном, время теряет над ним свою власть, ему больше уже не нужны услуги врача...

Борьбу против гнета, тупой косности и насилия драматург продолжает и в большинстве последующих своих произведений — в них снова и снова появляются персонажи, напоминающие героев ранних его драм, и ставятся те же проблемы. Тагор неоднократно воссоздает одни и те же образы, придавая им каждый раз иной внешний облик. Так, через пьесы «Муктадхара» («Освобожденный поток»), «Царь и царица», «Натирпуджа» («Молитва танцовщицы»), «Властелин темных покоев»² и «Красные олеандры» проходит образ правителя, который в своем необузданном властолюбии превращает людей в рабов. Часто встречаются в тагоровских драмах девушка-цветочница, олицетворяющая красоту, и юноша, который бросает вызов произволу властителей и поднимает народ на борьбу за свободу.

В «Освобожденном потоке» юный герой выступает против придворного мастера, который преградил плотиной путь реке и лишил деревенских жителей воды — этого бесплатного дара природы. В пьесе «Натирпуджа» девушка-танцовщица отказывается повиноваться приказу царя, запретившего своим подданным поклоняться Будде. Втайне посвятив себя служению Будде, она танцует перед его статуей, и царские прислужники убивают ее. Но эта кровавая жертва повергает в ужас царя и царицу, и они переходят в буддизм. Героиня пьесы «Красные олеандры» — цветочница Нандани несколько не боится тирана; ее возлюбленный Ранджан возглавляет восстание против него и гибнет во имя свободы.

¹ Рабиндранат Тагор. Соч., М., 1957, т. VI, стр. 11.

² В русском переводе эта пьеса называется «Раджа» (Р. Тагор. Соч., т. VI).

Большинство героев в пьесах Тагора обрисовано неявно; мы видим их сквозь поэтическую дымку. Если у Шекспира Ариэль и Калибан полны жизни, если в «Глиняной повозочке» Шудраки игрок, монах и палачи — живые, полнокровные образы, то персонажи пьес Тагора — обитатели воображаемого мира. Так, в «Возмездии природы» поселяне и путники проходят по сцене, словно призраки, и отшельник наблюдает за ними из своей пещеры. Даже образы, подсказанные самой жизнью, — стражник, продавец творога и старый дед в «Почте» — не более как бесплотные тени. Мальчик Омоль, олицетворяющий больной дух человечества, чем-то напоминает нам отшельника из «Возмездия природы». Но здесь крики, доносящиеся с улицы, — это голоса жизни, властно зовущие нас, тогда как в «Возмездии природы» нас влечет к себе бесконечная тьма, искушая романтикой неизведанного.

Пьесы Тагора полны ожидания, которое так и остается бесплодным. В «Натирпудже» все время ждут появления царя, но он не приходит. «Властелин темных покоев» обитает в темноте и не покидает стен своего дворца: черные, мрачные силы, угнетающие людей, боятся яркого света дня. В «Красных олеандрах» царь скрыт от взора зрителей. Эта «невидимость» действующих лиц придает пьесе особую напряженность, обаяние и налет фантастики.

Пусть драмам Тагора не свойствен сочный реализм Бертольда Брехта или страстность Лорки, но он внес в драму истинную поэзию и расширил ее рамки. В его пьесах реальность перемежается с фантастикой, поэзия — с прозой, им присущи лиризм и строгая чистота. Декорации к его пьесам были простые и строгие, они не затмевали героев, а давали им полную возможность выявить себя. Тагор впустил на подмостки театра фантазию и мечту, сбросив с него цепи заземленного натурализма. Серебряный полумесяц, небрежно нарисованный на стене, обозначал молодую луну, белые и темные пятна — облака, глиняная игрушка — живую птицу. А картины гор и джунглей, ручьев и рек зрители сами рисовали в своем воображении, слушая поэти-

ческие монологи и песни. В одном из своих ранних произведений «Цикл весны» Тагор говорит: «Декорации нам не нужны. Единственный фон, который нам необходим, — это фон мысли; на нем мы станем писать свои картины, и кистью нам послужит музыка».

Язык Тагора изобилует образами, как деревенский пруд — цветами лотоса. Мысль его то и дело устремляется в царство поэзии, и песни — неотъемлемая часть его пьес. Певец рассказывает зрителям о происходящих на сцене событиях, и в это время действие идет без слов. Зачастую песня исполняется в самый напряженный момент, когда бурное чувство как бы вырывается из тесных рамок прозаического текста. Как диск, разрисованный всеми цветами спектра, при быстром вращении кажется нам чисто-белым, так и многообразные эмоции находят выражение в одной песне. В пьесах Тагора слепой певец, подобно хору в греческой трагедии, комментирует действие, развертывающееся перед зрителем. И то, что певец слеп, подчеркивает его отрешенность. Он философствует по поводу происходящего и предвещает будущее, но остается непричастным к жизни героев.

Социальные комедии Тагора брызжут весельем. Им присущ острота сатирический характер. (Надо сказать, что эту сторону его драматургии критики обычно оставляют без внимания.) С неподражаемым юмором высмеивает он убогую мораль буржуазии, ее жалкие жизненные ценности. Язык его комедий так насыщен идиомами, что они не поддаются переводу. «Шеш Ракхша» («Последнее дело») — легкая комедия о смешных заблуждениях юности, отличающаяся большой динамичностью; в ней множество забавных эпизодов. В уморительном фарсе «Клуб холостяков» рассказывается о том, как несколько юношей дают обет не жениться и учреждают свой клуб, но тщательно охраняемая твердыня безбрачия рушится при первом же приближении женщины. И язык пьесы, и образы удивительно верны жизни. Комедии Тагор писал не только в юности, но и в самом преклонном возрасте, вплоть до последних дней.

Его заслуги как режиссера еще не оценены по достоинству. Что же касается актерского дарования Тагора, то о масштабах его можно судить хотя бы по такому факту: двадцатидвухлетним юношей он играл в «Жертве» старого жреца Рогхупоти, а в шестьдесят два года, выступая в «Эмпайр театр» (Калькутта), исполнял роль Джойшинха, его юного ученика. Когда пьесы Тагора шли в его собственной постановке, он в каждую мелочь вносил много творческого воображения и умел вдохнуть в спектакль подлинную жизнь. О его пьесах надо судить по спектаклям, а не по тексту, ибо текст — всего лишь мертвая бабочка, наколотая на бумагу.

В 1936 году мне довелось видеть Тагора на лакхорской сцене — он участвовал в танцевальной драме «Читрангада». Тагор сидел в бархатной тоге, на которую серебряным каскадом падала его длинная борода, и читал нараспев комментарии, а его ученики танцевали...

Когда заходит речь об индийском национальном театре, мы растерянно спрашиваем себя: что же, наконец, он собою представляет? Народный ли это театр, или профессиональный, находящийся под влиянием западной сцены? Никто не может найти для него точного определения, хотя это возможно, скажем, в отношении пекинской оперы или японского театра Кабуки. Зато можно с уверенностью сказать, что пьесы Тагора — истинно индийские по самой своей сути.

РАБИНДРАНАТ ТАГОР

Из сборника «Ган» («Песни»)

Счастлив тем я, что родился
В этой солнечной стране,
Что любовь к ней с каждым годом
Все сильней звучит во мне.
Блеск сокровищ мне неведом,
Я готов признаться в этом.
Мне дороже дар бесценный —
Светлый дар любви народа.
Я не знаю, где на свете,
Могут быть цветы, как эти,
Где еще луна так нежно
Смотрит вниз с ночного неба.
С детства помня над собою
Небо Индии родное,
В час последний
Взгляд прощальный
Растворить я в нем хотел бы.

Перевел с бенгали
А. Горбовский